

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

УМИРАЮЩИЙ
ВАРНАК

Николай Гейнце
Умирающий варнак

«Public Domain»

1898

Гейнце Н. Э.

Умиравший варнак / Н. Э. Гейнце — «Public Domain», 1898

«Он лежал навзничь, недвижимо. Казалось, это был труп. Его фигура выделялась на белой пелене снега какою-то темною, бесформенною массой. Только судорожные движения правильного, выразительного, бледного, измученного лица, сменяющиеся вдруг странным, поражающим контрастом – счастливой, почти блаженной улыбкой, доказывали, что искра жизни еще теплилась в нем, вспыхивая по временам довольно ярко, подобно перебегающей искре потухающего костра, разведенного неподалеку от него...»

Николай Гейнце

Умиравший варнак

Психологический этюд

Он лежал навзничь, недвижимо. Казалось, это был труп. Его фигура выделялась на белой пелене снега какою-то темною, бесформенною массой.

Только судорожные движения правильного, выразительного, бледного, измученного лица, сменяющиеся вдруг странным, поражающим контрастом – счастливой, почти блаженной улыбкой, доказывали, что искра жизни еще теплилась в нем, вспыхивая по временам довольно ярко, подобно перебегающей искре потухающего костра, разведенного неподалеку от него.

Он умирал, умирал один, вдали от людей, среди суровой, неприятной природы – в сибирской тайге.

Бесформенный вид придавала ему его одежда: она состояла из рваной собачьей дохи, шапки из такого же меха и кожаных бродень на ногах. Тощая котомка из грубого холста и длинная сучковатая палка лежали около него.

Нетрудно было с первого взгляда признать в нем варнака, то есть беглого каторжника. Он и был им. Но нетрудно было также угадать под этим безобразным костюмом человека, испытывавшего когда-то иную, лучшую и далеко не суровую долю.

С правой руки его спала меховая рукавица, и тонкие, изящные пальцы, хотя и покрытые слоем грязи, красноречиво говорили о его происхождении. Из-под уродливой меховой шапки, носящей местное название треуха, выбивались шелковистые черные кудри; такие же всклокоченные усы и борода обрамляли интеллигентное, умное, энергичное лицо с нежными, аристократическими чертами. Глаза были закрыты, и густые, длинные ресницы оттеняли ушедшие от худобы лица вглубь глазные впадины. На вид ему казалось не более тридцати лет.

Таков был лежащий недвижимо варнак.

Был полдень. Яркое солнце освещало девственный лес, играло лучами на покрытых инеем сучьях вековых деревьев. Они казались осыпанными миллиардами бриллиантов чистой воды.

Это было холодное сибирское солнце: оно светило, светило ярко, но не грело. В воздухе стояла какая-то невозмутимая тишина. Ни малейшее дуновение ветерка, ни малейший шепот не нарушали величавого спокойствия дикой, ледяной природы.

Казалось, подавленный этой окружающей тишиной лежавший варнак, хотя и мог бы, не смел шевельнуться. Он доживал последние минуты своей надломленной жизни.

И в эти минуты с особенной рельефностью, как в калейдоскопе, пронеслась в его напряженном воображении вся его прошлая жизнь. Так натянутая чрезмерно струна, готовая оборваться, звучит сильнее.

Быстро неслись перед ним воспоминания раннего детства.

Берег далекой красавицы Волги, где живописно раскинулось его родовое имение, ласки матери, давно лежащей в могиле, святой женщины, боготворившей своего единственного сына. В любви к нему находила она утешение в своей безотрадней, страдальческой жизни с деспотом мужем, из гуляки-гусара превратившегося после свадьбы в гуляку-помещика.

При воспоминании о ней светлая улыбка озарила лицо умирающего. Живо вспомнилась ему минута разлуки с этим, тогда единственным любимым им существом. Ему пошел одиннадцатый год, и отец повез его в Москву, в гимназию.

Как теперь, помнит он сцену прощания на крыльце: дрожащую, благословляющую руку и полные слез прекрасные глаза, устремленные на него с невыразимой нежностью.

Он истерически зарыдал.

Отец грубо подхватил его под руки и буквально бросил в дорожную карету, затем обратился к жене, по обыкновению, с каким-то резким замечанием.

Та без чувств упала на пол, и слуги подхватили ее.

Он не видел, как уносили ее в дом, так как отец отворил в то время дверцы кареты и стал усаживаться с ним рядом.

Карета покатила.

Это была для него первая страшная минута в жизни.

Выражение страдания и теперь появилось на лице варнака.

Большой, незнакомый город. Гимназия, куда он был помещен на полный пансион, окруженная для него какою-то таинственностью, мундирчик, в который его облекли, товарищи, учителя, новые лица, новые порядки – вся эта масса нахлынувших на ум мальчика свежих сильных впечатлений смягчили грусть разлуки с родимым гнездышком.

Отец уехал.

Сын вошел в гимназическую колею.

Потянулись долгие учебные годы. Памятно ему из них лишь время каникул, когда он снова возвращался в объятия любимой матери, передавал ей впечатления прожитого в разлуке с ней учебного года и оживал под ее животворящими ласками, сбрасывал с себя зачерствелость, навеянную сухими учебниками, переполненными сухими фактами и правилами; с жадностью, полной грудью вдыхал свежий деревенский воздух и по целым часам любовался на несущую свои мягкие волны красавицу Волгу.

Здесь проходил он курс иной, высшей науки: в объятиях матери и природы учился он чистой любви и чистой поэзии.

Снова улыбка счастья появилась на устах варнака.

Он вернулся с последних гимназических каникул в седьмой, последний класс. Радужные мечты рисовались в будущем. Через год, только через год – университет, – он решил быть юристом, – только что нарождавшаяся тогда адвокатура, слава, богатство...

Последнее, впрочем, ему было излишним.

Как единственный сын богача-отца, он не нуждался в средствах.

Вдруг, тяжелый удар.

Страшные судороги исказили лицо варнака.

Он получил от отца письмо с черной печатью, уведомлявшее его о смерти матери.

Его единственного дорогого друга не стало.

Впечатлительный юноша не вынес обрушившегося на него несчастья. Нервная горячка почти на целый месяц приковала его к постели. Без него опустили ее в могилу.

Молодость, однако, взяла свое. Он выздоровел и кончил курс.

Приехав в имение отца, не заезжая в дом, он приказал остановиться у церковной ограды и упал, обливаясь слезами, на могилу матери. Слезы облегчили его. Несколько времени провел он в тихой молитве и как-то совершенно успокоился. Странное сознание появилось в его уме: ему показалось, что когда мать была жива – он мог быть с нею в разлуке, не видеть и не слышать ее, теперь же она везде и всегда будет около него, он будет не только слышать, но и видеть ее. Он почувствовал это как-то не умом, не сердцем, а всем существом своим, и не только успокоился, но как-то странно радостно стал думать, что она умерла.

«И ей, и мне лучше!» – мелькнуло в его голове.

Он снова почувствовал, почувствовал всем существом своим, что это было именно так.

В отце он не нашел перемены. Казалось, в его жизни ничего не случилось. Он не изменил ни на йоту ее режим: те же охоты, пикники, попойки...

Встрече с сыном придал он деловой характер. Через несколько же дней ассигновал ему довольно крупную сумму в год для жизни в Москве студентом и тотчас выдал треть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.